

2 ПКП. 2 СТ. 4 ВЗ.

Аэропорт

Б. Конофальский

“Мы не бегаем”

16+

Рейд

Борис Конофальский
Аэропорт

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Конофальский Б.

Аэропорт / Б. Конофальский — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Рейд)

Войны – это всего-навсего форма межвидовой конкуренции. Пока будут ресурсы и ценности, люди будут воевать. В книге описан всего один бой возможной войны будущего. Изменится все – не изменятся только люди. Как и во все времена, побеждать будут упрямые и смелые. **ВНИМАНИЕ!** Приквел. Сюжет книги напрямую пересекается с сюжетом серии «Рейд». Спойлеры.

© Конофальский Б., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Борис Конофальский

Аэропорт

Глава 1

Пыль на пристани стояла невероятная. Просто не продохнуть. С севера по реке подошла старая баржа с ржавыми и мятыми бортами. На барже техника, ящики, люди. Она долго маневрировала, вставала против течения и, наконец, упёрлась в пирс. Пришвартовалась намертво, встала, и с неё на забитую до отказа площадку порта стал сгружаться ещё один армейский батальон.

На берег задом и медленно съехала первая БМП с характерным знаком на борту – скрещенными топорами с лепестком пламени между ними.

– Штурмовиков привезли, – говорит Карачевский.

Все промолчали.

Пластуны и штурмовики испытывают друг к другу большое уважение. И те, и другие – главная ударная сила. Самая медленная и самая тяжёлая пехота. У Володьки Карачевского на щите такой же девиз, как и у армейских штурмовиков: «Мы не бегаем».

– Только вот куда они будут сгружаться? – Спрашивает Ерёменко.

Места на пирсах и вправду уже нет.

– Вот есть у них мозг или нет? – Весело заговорил Юрка Червоненко. – Гляжу на это всё и умиляюсь. Восхищаюсь их умением организовать логистику.

Это он имел ввиду командование. На площадке перед пирсами всё забито людьми, ящиками со снаряжением и боеприпасами. Грузятся машины. Юрка глядел на всю эту суету и время от времени делал едкие, смешные комментарии. Сам он развалился, полулежал на ящике с гранатами для ПТУРа под навесом из брезента. Лоб от пыли белый, ресницы тоже. Он на секунду стягивал респиратор, чтобы сделать затяжку, а дым уже выпускал через маску.

Помимо их Второго Пластунского Казачьего Полка вокруг пирсов скопилось ещё пару армейских батальонов, как положено, с БМП и с грузовиками. И две казацьи сотни с десятками единиц своей техники. Да ещё артиллерийский полк с кучей тягачей. И ещё всякие мелкие части: роты радиоразведки и электронной борьбы, штаб автобата, автоцистерны. Всюду, где только можно, стояли ящики со снарядами, штабеля с продовольствием, бочки с горючим, цистерны с водой, и между всем этим пытались ездить десятки огромных грузовиков. Они-то и поднимают главную пыль. Время только шесть утра, а под навесом, где расположились пластуны, уже тридцать.

Саблин молчит. Глядит на бестолковую сутолоку на пристани и соглашается с другом молча. Это хорошо, что Юра шутит, хоть кто-то ещё не потерял чувства юмора. Остальные уже либо устали, либо раздражены. Пластуны выгрузились ещё вчера до полудня и до сих пор сидят в этой пыли потому, что в штабе никак не могут принять решения, куда их направить. Казачий полк, что выгружался вместе с ними, ещё вчера ушёл на север, выше по Енисею. А они всё сидят. Одуревают от жары и пыли. Скоро сутки будут, как они тут жарятся.

Один из грузовиков, под крышу набитый снарядами ящиками, недалеко от казаков, метрах в десяти, стал разворачиваться, поднимая пыль, сдавал медленно, «задом». И катился задними колёсами к пыльной яме у небольшого бархана. Сдавал неспеша, наверное, не видел яму водитель.

Кто-то из казаков ему закричал, а Юра так и вовсе оттянул респиратор и звонко свистнул. Но было поздно, задний мост грузовика уже соскользнул в яму и закопался до оси в пыль. Водила еще, не осознавая, что влип, стал сдуру жать на «газ», пытаясь вырваться из ловушки.

Колёса послушно вертелись, но только выкидывали мелкий песок да добавляли пыли в воздух, и всё. Пыль полетела тяжёлыми клубами прямо на пластунов, что располагались на ящиках со своим снаряжением.

– Хорош, – орал водителю Юрка, – заканчивай это.

– Вот дурак, а! – Усмехался Лёша Еременко, отворачиваясь от надвигавшейся пылевой тучи.

Он служил с Акимом Саблиным в штурмовой группе. Как и Саша Карачевский, который сидел слева от Акима. Только Юрка Червоненко был не из штурмовиков. Он был минёром. Но всегда находился рядом с Саблиным. С детства.

Все штурмовики держались вместе, не то чтобы обособленно от остальных бойцов взвода, но всё-таки чуть более дружно. Этакая семья в семье. Так было всегда, взаимопонимание у штурмовиков – важная составляющая их взаимодействия. У тех, кто первыми встаёт под пули в атаке, идёт затыкать ДОТ или пробивать проход в минном поле под огнём противника, взаимопонимание – это залог выживания. Ни больше и ни меньше. И теперь штурмовики все вместе морщились от пыли и молчали, а минёр Юрка Червоненко орал на водителя грузовика:

– Что ж ты творишь, балда, взрослый человек, а выкаблучиваешь как первогодок. Без тебя нам пыли мало, что ли?

Он даже вскочил с ящиков и вылез на солнце из-под навеса.

Водитель выпрыгнул из кабины, чуть не бегом оббежал свою машину и встал у ямы, руки развёл в отчаянии. Стоит, на пыль пялится. Понимает, что грузовик сел намертво.

Пластуны смотрят на него, кто понимающе, а кто и осуждающе. Водитель, немолодой мужик, наконец, вздыхает и идёт к ящикам, где под брезентовыми навесами, расположись четвёртый взвод. Лицо его также в пыли, и респиратора у него нет. Он останавливается у самой большой группы казаков, просит заискивающе:

– Господа казаки, может, подсобите малость, там яма-то небольшая, чуть упрётесь, а я на малой передаче вытащусь.

– Иди ты, дядя, – орёт ему Юрка, – смотреть нужно было, куда едешь!

– Да я смотрел, пылица же, камеры заднего вида хоть каждую минуту протирай, все одно – хрен, что видно. – Объясняет водитель.

– Иди, ищи тягач, – не соглашается Юрка, – у нас и без тебя тут невесело.

Водитель понимающе кивает, собирается уже уходить, но тут заговорил старый казак во взводе, замком взвода урядник Носов:

– Хватит, Юрка, трепаться, казаки, давайте подсобим человеку.

Он обращается к водителю:

– Вы, товарищ, лезьте в кабину, мы толкнём, попробуем, а нашего Юрку не слушайте, он не злой, просто балабол.

Все встают, отставляют оружие, кое-кто скидывает пыльник, идут к грузовику. Червоненко тоже идёт, хотя и не замолкает:

– Да не вытолкнем мы его, разгружать его придётся.

– Посмотрим, – говорит урядник, сурово глянув на него, – пошли, попробуем.

Саблин вот за это Юрку не любит, вернее, ругает по мере сил. Вечно Червоненко лезет на рожон, вечно он приказы обсуждает или ставит их под сомнение. Вечно у него с командованием какие-то противоречия. Причём возникают они на ровном месте, из ничего, не по делу.

И это с Юркой с детства. Со школы. Уже тогда он лаялся с учителями. Уже тогда его Аким осаживал, уговаривал. И всё впустую, как был спорщиком, так и через двадцать лет им остался. Вроде, в жизни и не дурак, а кое-где и вовсе хитрец, но как до службы, так вечные проблемы у него.

А шофер, увидав, что полтора десятка казаков идут ему на выручку, так с места одним прыжком залетел в высокую кабину грузовика, от радости, видимо.

Крепкие, мужские, заскорузлые от долгой войны и тяжёлой работы руки упирались в борта машины. Большие противоминные башмаки утопали в песке и пыли, привода в «локтях», «коленях», «плечах» закрипели привычно. На высоких оборотах запищали сервомоторы.

– Не филонь, Юрка, – задорно кирнул Саша Каштенков, первый номер пулемётного расчёта, – не отлынивай.

– Когда это я отлынивал? – Зло и серьёзно отозвался Червоненко, так же, как и все, упираясь в борт грузовика.

Шофёр сначала помалу, а потом и как следует дал «газа». Из-под задних колёс полетел песок с пылью, и машина понемногу поползла из ямы.

– Давай, казаки, навались, – гудел басом урядник Носов. – Ещё немного.

Люди упёрлись, и машина нехотя выползла из ямы, обдав напоследок всех, кто был сзади, песком и пылью. Больше всех досталось именно Червоненко. Прямо в лицо попало, сверху насыпало на голову, и много песка засыпалось ему в откинутый за спину шлем, в кирасу через горжет тоже немало.

– Да чтоб тебя, вот увалень, – ругался Юрка, отряхиваясь. – Броню чистить придётся из-за этого дурака.

Шофёр выскочил из машины, хотел казаков благодарить, но Червоненко заорал на него, скинув респиратор:

– Езжай ты уже отсюда, рыба ты стеклянная.

Шофёр быстро сказал что-то негромко и залез в машину. А Юрка стал вытряхивать песок из шлема и приговаривал:

– Ну не урод, а? Не было, как говорить, печали...

Казаки шли к своим ящикам, посмеивались, Саблин тоже ухмылялся, он остановился рядом с другом и сказал:

– Снимай кирасу, там песка у тебя килограмм, чистить надо, иначе плечевые привода заперешь

– Да знаю, – говорит Червоненко.

Ну, теперь им было, чем заняться. Они пошли к ящикам.

Они снова сели под навес. Юра снял кирасу и «плечи», вытряхнул песок. Аким ему помогал. Немного. И тут мимо прошла, поднимая тучи пыли своими четырьмя мостами, БМП с номером «43» и с топорами штурмовиков на борту. Дремавший рядом с ними командир штурмовой группы урядник Коровин оживился:

– Так это что, сорок третий батальон выгружается?

Он стал всматриваться в сторону пришвартованной баржи.

– Вроде так, – сказал Ерёменко. – А что, знаешь кого оттуда?

– А то как же, воевали рядышком пару раз. – Отвечал урядник, вставая. – Крепкий батальон, хорошие бойцы, пойду поздороваюсь. Может, кто из стариков ещё служит.

Он ушёл, а Червоненко, Саблин, Ерёменко и Карачевский снова завалились на ящики.

– Быстрей бы уже завтрак, – сказал Ерёменко. – Может, сходим к кошевому?

– Час ещё, – ответил Карачевский Володька.

– А может, уже готов завтрак, со вчерашнего дня сидим, – не сдавался Ерёменко. – Может, повара с рассвета что-нибудь сварганили уже.

– Идите, сходите, – ехидно соглашается Юрка, – ротный кошевой старший прапорщик Оленичев большой мастер посылать таких вот торопыг в самые отдалённые уголки вселенной. Идите, узнайте, куда он вас направит на этот раз.

– Слышь, Саблин, а чего этот минёр всё время тут около нас ошивается, – с наигранным удивлением говорит Ерёменко. – Он, вроде, не боец штурмовой группы. Что ему тут? Чего он с минёрами не дружит?

– О, вот оно, полезло из героев их геройство. – Скалиться Червоненко. – Простой минёр, значит, герою-штурмовику не товарищ! Дожили. Вот вам и полковое, казачье, пластунское братство.

– А как ты думал? – Спрашивает Ерёменко.

– А думал я, что это у тебя твоя спесь заиграла, вот как я думал. – Отвечает Юра.

Аким даже не слушал этот разговор. Обычный трёп, сто раз уже такое было. Всё время штурмовиков упрекают по поводу их спеси. Мол, геройством своим сильно они гордятся, заносчивы. Но все знают, что это не так. Все остальные бойцы всех воинских специальностей бойцов штурмовых групп ценят и уважают. Так что всё это пустая болтовня. Саблин закрывает глаза и думает о доме.

А Ерёменко и Червоненко так и перебрёхиваются беззлобно, «от нечего делать».

А пыль всё гуще заволакивала пристань, пирсы и всю местность вокруг. Машин стало больше. Солнце вставало всё выше и палило всё беспощадней. Вода в реке, казалось, не течёт, а просто замерла бурым стеклом, бросающим яркие блики, такие яркие, что смотреть невмogu. Время и вправду шло к завтраку. Аким всё ещё дремал, как вдруг резкий звук разорвал привычный гул пристани. Треск доносился, кажется, с баржи. Он был до боли знаком казакам.

Так трещит издали «Т-10-20». Десятимиллиметровая двадцати зарядная винтовка. Попросту «тэшка».

– Чего они там дуркуют? – Насторожённо спросил Володька Карачевский, глядя на звук выстрелов.

– Да хрен их знает, – отвечал Юрка.

И он и Ерёменко тоже глядели в сторону баржи.

Аким тоже привстал на локтях и тоже глянул туда же. А потом снова улёгся на ящики и успокоил товарищей:

– Бегемот всплыл, вот горожане и лупят по нему.

Для горожан с севера бегемот редкость, там, ближе к морю, такие твари не водятся. Зря патроны тратят, убить ленточного червя весом в тонну из «тэшки» не получится, а большой барже вреда он причинить не может, чай не лодка. Так что патроны просто выкинули в воду. Солдаты собрались на краю баржи, все глядят в воду. Один из них поднял винтовку и снова полоснул очередь по воде.

– Дураки, – говорит Юрка.

И все на этот раз с ним соглашаются.

Глава 2

Пришёл урядник Коровин, запыхался, видно, быстро шёл:

– Собирайтесь, – говорит, – нас на помывку приглашают.

– Чего? – Не понял Ерёменко.

– Кто? – Спрашивает Червоненко.

Саблин садится на ящиках, внимательно слушает своего старшего.

– Ребята из сорок третьего мыться зовут. – Продолжает Коровин. – Они шесть дней в пути, им помывка положена. А у них первая рота уже погрузилась, уходит на юг, мыться не будет, а вода лишняя осталась, им на каждого по сто литров выделили. Ребята, которых я лет сто знаю ещё с Сургута, говорят: «Приходи со своими, мы водой поделимся».

– Ну, пойдём, – обрадовался Юрка и начал оглядываться, искать свой ранец.

– Слышь, командир, – задумчиво произнёс Ерёменко, оборачиваясь на Коровина, – а твои друзья из штурмового батальона штурмовиков приглашали или всяких минёров тоже?

Карачевский смеётся, Саблин и сам невольно улыбается, поднимая свой рюкзак.

– Вот чего ты опять начал? Зачем? – Злиться Юрка. – Плохой ты человек, Ерёменко.

– Плохой, – передразнил его Ерёменко.

– Хватит, – говорит урядник, – собирайтесь быстрее, а то завтрак скоро. На завтрак хочется поспеть и помыться тоже.

– А этого минёра, – Карачевский кивает на Червоненко, – берём с собой? Или пусть тут сидит?

– Да, берём, – говорит Аким, закидывая рюкзак на плечо. – А то он пованивает уже.

– Чего, – возмущается Юрка, – кто пованивает?

Тоже встаёт:

– Наши онучи ваших не вонючей.

Все смеются, и Коровин в том числе, идут быстро к реке, туда, где расположилась баннопрачечная часть.

Они пошли так быстро и дружно, что другие казаки из их сотни окликали их:

– Господа штурмовики, а куда это вы?

– На кудыкину гору. – Озорно орал им Юрка. – Раскудыкивать кудыку.

– Да куда вы?

– К завтраку вернёмся, – обещал урядник Коровин, посмеиваясь.

Сто литров чистой и прохладной воды. Кажется, немного, но для человека, что целыми днями не снимает брони, это целое море. Море удовольствия. Казалось бы, чего там, иди да зачерпни из Енисея воды, целая река рядом, сто метров в поперечнике. Но Енисей отравлен, как и вся пресная вода. Заражён жёлтой амёбой.

Воду с этой гадостью не то, что пить, ею даже мыться нельзя, кожа слезет. Воду эту надо фильтровать. У Акима дома насосы с фильтрами и для хозяйства воду чистят, и для полива. Мойся – не хочу. А тут насосы работают круглосуточно, но воды на всех всё равно не хватает, её берегут, выдают по регламенту – одна помывка в неделю. А помыться всем хочется, просто чтобы просто почувствовать прохладу, и лишняя помывка в сорокоградусную жару – большая удача.

Сорок третий Штурмовой батальон – парни в основном молодые, городские с севера. Не первогодки, но казакам всё равно не чета, у Саблина это пятый призыв, пятый год на войне, не говоря про урядника Коровина, у которого этот призыв десятый. Так что для парней из батальона они деды. И солдаты здороваются с ними за руку, с уважением. Только сержанты и

старшины казакам ровесники, с ними-то и знаком урядник, они-то и пригласили братьев-штурмовиков помыться.

Аким спрятал в ящик под ключ свой дробовик и разгрузку с патронами и гранатами, так положено. Щит, пыльник и броню сложил на стеллажи, поглядел, какая броня лежит рядом.

– Барахло у них старое, – заметил Володька Карачевский. – Не чета нашему, как бы не упёрли.

Это было так. И шлемы, и броня у солдат были действительно латанные-перелатанные. Со следами многочисленных ремонтов.

Аким и сам так подумал, но он сомневался, что кто-то из солдат подменит ему его новый шлем на свой старый. Нет, вряд ли, и расцветка у них разная, казачьи доспехи темнее, и номера на всех частях брони стереть непросто. Да и не по-человечески это будет.

Он только качнул головой, мол, не подменя, и пошёл в душ.

Нашёл пустую кабинку, на дисплее цифра «100». Сто литров в его распоряжении. Он шагнул в кабинку прямо в «кольчуге» не стал её снимать, открыл воду.

Боевой Внутренний Костюм, попросту «кольчуга», был вещью удивительной. Эластичный, тугой крепкий материал из ультракарбона плотно покрывал всё тело бойца, оставляя открытым только лицо. Он служил защитой от мелких осколков, в случае, если будет пробита броня. Также он значительно снижал кровопотерю при ранении, а ещё он был соткан из тысяч микротрубок, капилляров, по которым хорошо распространялся хладагент. Расходился по костюму от макушки до пяток. Вещество, без которого в сорокоградусную, а иногда и в пятидесятиградусную жару люди в броне умирали бы от теплового удара. А заодно «кольчуга» выполняла роль нижнего белья.

И теперь Аким стоял под струями прохладной воды градусов не больше двадцати семи, поднимая лицо навстречу крупным каплям и чувствовал, как приятная прохлада протекает, проникает по капиллярам до самых ног. И стоял так долго. Конечно, он расслабился, но не до того состояния, чтобы забыть про воду, а десять литров уже улетело.

Тут он стал стягивать с себя тугой ультракарбон. Снял не без труда, мокрая «кольчуга» снималась тяжело. Стирать её необходимости не было. Гладкое волокно легко мылось. После он мылся и плескался сам до тех пор, пока на дисплее не загорелись нули. Всё, вода кончилась.

Это было большое удовольствие. И оно закончилось. Саблин, закинув на плечо «кольчугу», пошёл к стеллажам. А там балагурил Юрка, найдя себе аудиторию из молодых солдат сорок третьего батальона. Он вспоминал смешные случаи из жизни, но больше, конечно, врал, для красочности. Солдаты, завёрнутые в полотенца, с удовольствием его слушали, смеялись. Карачевский и Ерёменко тоже были там, тоже посмеивались, но скорее не Юркиным рассказам, а его умению врать. Аким вытерся, натянул с трудом ещё не просохшую кольчугу и тоже стал прислушиваться к болтовне своего друга. Да, Юрка врал безбожно, но делал это красиво и забористо. Причём сам Саблин, был участником его рассказа. Аким, улыбаясь, прислушивался и хотел узнать, чем же закончилось дело, но тут на входе появился казак из его полка, которого он едва знал. Это Саблина насторожило, чего он тут делает, неужто искал их, чтобы на завтрак позвать? Это вряд ли.

– Второй полк, – заорал казак так, что собравшиеся у стеллажей солдаты и казаки его услышали, – второй полк тут?

– Тут, – сразу откликнулся Червоненко, – чего ты? Завтрак? Сейчас идём. Только оденемся.

– Затравка не будет, – крикнул казак, – грузимся. Давайте быстрее.

– Куда грузимся, – удивлялся Карачевский, – нам машины дали?

– Нет, на баржу грузимся, обратно поплывём.

– Как обратно? – Удивился Саблин. – Говорили, что нас под Ермаково кинут.

– Это вряд ли, из штаба сотник пришёл, говорит, теперь новая дислокация. Начинаем погрузку на баржу, вниз плывём. – Сказал казак и закрыл дверь.

Казаки стали быстро собираться, солдаты разошлись, только Юрка не унимался:

– А я вам говорил, что у нас в командовании гении сидят?

– Говорил-говорил, – ворчал урядник Коровин, – не трепись, Юрка, собирайся. А то получим по шапке за «самовол».

– Да какой это «самовол», мы и расположение части не покинули. – Продолжал Червоненко.

– Да собирайся ты, – сказал урядник строго. – Вот будет болтать, не заткнёшь его.

Когда казаки вернулись к своим, там уже началась погрузка, всё, что выгрузили сутки назад, всё снова грузилось на баржу.

Так получилось, что Саблин оказался рядом с Коровиным, когда тот спрашивал у командира взвода Михеенко:

– Ну и куда нас?

– Обратно поедem, на Берёзовскую.

– Сотник сказал?

– Да.

– Значит, на Советскую Речку?

– Наверное, – произнёс прапорщик невесело.

Коровин молча кивнул головой, он, кажется, понял что-то. То, что ему не понравилось.

Саблин ещё не понимал, о чём они говорят. Но по их виду догадывался, что их полк ждёт что-то малоприятное. Он хотел послушать их разговор, но прапорщик окликнул его:

– Саблин, чего прохлаждаешься, патроны грузи, давай-давай.

– Есть, – сказал Аким и пошёл к другим казакам, что занимались погрузкой.

Пустыня всё жестче давила на китайцев, воды, даже заражённой амёбами, становилось всё меньше и меньше, а разнообразных опасных тварей всё больше. Выживать в ежедневной пятидесятиградусной жаре становилось всё сложнее. Никакие растения из тех, что издавна знали люди, в такой жаре и сухости не выживали. А те, что стали заселять землю, употреблять в пищу было сложно. Главной пищей людей становились насекомые, но и их не хватало. Вода в реках была очень важным ресурсом. Между Енисеем и Обью оставалась земля, на которой ещё можно было хоть как-то жить. Там расстилалось Велико Болото, полное жизни, хотя жизнь эта была чуждой для людей. Но они находили способы использовать её. Много ресурсов хранил Северный Океан. Города на его берегу были технологическими центрами. А в самом Океане люди ещё ловили рыбу, которая не успела измениться. А на островах в Океане работали загадочные научные центры. Остаткам древней великой нации ничего не оставалось, как идти туда, на север, где ещё можно было жить. Но на севере их никто не ждал. Там было слишком мало ресурсов, чтобы делиться ими с китайцами.

В первых днях марта, сразу после весенних дождей, когда степь почернела от плесени и барханы промокли и стали удобны для колёс тяжёлой техники, НОАК нанесла неожиданный удар вдоль реки Таз. Сразу и по правому, и по левому берегу. Китайцам удалось скрытно сконцентрировать три полноценных дивизии и огромное количество артиллерии, что и привело к большому первоначальному успеху в наступлении. Им удалось продвинуться вдоль реки почти на двести километров и к концу марта добраться до Сидоровска. Там эффект неожиданности сошёл на «нет», и русским удалось сконцентрировать значительные силы, подготовить оборонительные позиции и навязать китайцам тяжёлые позиционные бои. Попытка китайцев нанести фланговый удар через пустыню на Сидоровск с востока не удалась и привела к значительным потерям. После чего фронт стабилизировался. Это можно было считать большим успехом

НОАК, но китайцам этого показалось мало, и уже в начале апреля они начали новое наступление на другом фланге, они решили попробовать на левому берегу Енисея. Но тут их удар ожидался, и несмотря на значительную концентрацию сил под Ермаково их удалось остановить. Тем не менее, в течение двух недель они с отчаянным упорством день за днём пытались прорвать оборону прямо по центру, направляя удары вдоль берега. И несли при этом заметные потери. Войскам Северной Федерации удавалось легко отражать эти удары, даже не прибегая к использованию резервов.

И только в конце второй недели командованию стало ясно, что все бои на Енисее – это всего на всего отвлекающий удар, так как китайцы начали неожиданное наступление на Советскую Речку. На Аэропорт.

Глава 3

Двое суток, без остановок, полк шёл на запад по Енисейскому тракту. Двадцать две машины с людьми и более тридцати машин со снаряжением: БМП, штабные машины, машины электронной борьбы и многие, многие другие растянулись на несколько километров. Встречные и попутные машины сворачивали в кювет, уступали колонне дорогу. Колонна вставала только заправиться. Ели люди в машинах.

Люди в машинах были мрачны, неразговорчивы. Все чувствовали, что это спешка неспроста. Если командование так гонит колонну, значить затыкать дыру. А это значило, что происходило что-то нехорошее. Корее всего, прорыв фронта.

Все разговоры сводились только к одному вопросу: Куда? Офицеры ничего не говорили, скорее всего, и сами толком не знали. Младшие офицеры, командиры взводов, отвечали казакам со смирением: Куда надо, туда и поедem. Это и так всем было понятно. Некоторые говорили, что тащат их на Уренгой, но там фронт стоял крепко. Большинство считало, что на Сидоровск. Но и те и другие ошибались. У станицы Берёзовская колонна остановилась на несколько часов. Заправка, мелкий ремонт. Тут она получает приказ.

Пришёл нач. штаба полка подполковник Никитин и коротко бросил казакам:

– Направление «юг». Станица Ниженка.

И ушёл, больше ничего не сказав.

– Куда нас?– Переспрашивали молодые казаки.

Старые казаки уже начинали понимать:

– Ниженка, Аэропорт, Советская Речка.

– Так там же наши.

– Наверное, в помощь пойдём.

Это всех немного успокаивало. В помощь, это всё-таки не дыры затыкать.

Двести километров от Берёзовской прошли за ночь, дорога была не плохая. Барханы и саранча, тихо, не жарко, и нет ядовитой болотной пыли. Казаки сворачивали на грузовиках тенты и, откинув шлемы за спины, дышали чистым воздухом без респираторов. Дышать без респиратора, курить, не вынимая сигареты изо рта, чувствовать, как встречный воздух шевелит волосы, всё это большое удовольствие. Такое, какое им на их болотах и не снилось. Вторая сотня, сотня Саблина, шла в голове колонны. Вначале колонны почти нет пыли. Вся пыль в конце. Он не спал, как и многие казаки, наслаждался прохладой, курил немного, ел кое-что из ранца, даже выпил с товарищами. Самую малость. Очень, очень ему нравилось, что не жарко. Что звёзды видно. Что заразной пыли нет, что почти безобидная саранча шелестит крыльями в темноте, а не лютая болотная мошка, которая может за ночь обглодать кожу на лице, изъесть мелкими ранами, если лицо не закрыто.

И тут навстречу колонне из тёмной степи – фары. Их колона дисциплинированно прижалась к обочине, а люди, те кто не спал, смотрели вперёд, хотели знать, кого это они пропускают, и рассмотрели. Поднимая пыль, одна за другой на север, быстро пролетели по дороге три «санитарки». Три больших санитарных машины.

– Битком,– сказал Семён Зайцев, взводный радист.

Никто ему ничего не ответил.

– Чего там, чего стоим?– Спрашивали проснувшиеся казаки.

– Спите, ничего,– отвечал урядник Коровин.

Снова поехали. От блаженного, расслабленного состояния и следа не осталось, особенно когда они увидели, что вдоль дороги, пропуская их колону, вставали тягачи с битой и сожжённой техникой. А под утро прошли ещё пять «санитарок». Да, всем кто не спал стало

ясно, что везут их не в «резерв». Нет, все в полку были бойцы бывалые, никто не боялся, просто всегда так бывает перед самым фронтом, настроение пропадает. Как увидишь горелую технику, да «санитарок», а ещё хуже носилки накрытые брезентом с торчащими из-под него ботинками – так всё, до свидания благодущие, здравствуй тяжёлая, ратная работа.

Огни впереди, но уже не яркие – рассвет. У дороги то и дело стоят грузовики и тягачи. Пустые и с техникой. Ещё дальше по обочине растянулся артиллерийский полк. Приехали, всё тут и начнётся. Верный признак близкого фронта МРЭБ (Машина Радио Электронной Борьбы). Она не просто стоит, она расположилась на холме, развернула антенны. На расвете, на въезде в старинное заброшенное селение колонна остановилась. Дальше дорога забита транспортом и техникой.

- Что это?– Спросил пулемётчик Каштенков, вставая к борту машины и глядя вперёд.
- Советская Речка,– ответил ему замкомвзвода Носов даже и не выглянув из-за борта. Он был старый казак, видно бывал тут когда-то. Знал эти места.
- А дальше что будет?
- Ниженка,– ответил Носов.

Ниженка. Больше никто ничего не спрашивал. Казаки вставали к борту рядом с Каштенковым и смотрели вперёд, закуривали. Ниженка.

До их родных болот двести километров, один переход для моторизованной части. Один переход и китайцы будут у станицы Берёзовской. Все как-то сразу это поняли без лишних вопросов. Что уж тут неясного.

Мимо, в первых лучах восхода, проходят два солдата, один с рацией.

- Здорова, пехота,– кричит им Каштенков.
- Здорова, пластуны,– отзывается один из солдат.
- Китайцы-то где?
- Так рядышком, в Нижинке. Двенадцать километров.
- А что ж вы их туда пустили?– Ехидно спрашивает Каштенков.
- Так без вас их разве удержишь,– так же ехидно отвечает ему солдат. – Вот вы приехали и покажете, как их бить.
- Ну не бойтесь, мы приехали, покажем.
- Слышь, пластуны, а сало есть у кого,– вдруг говорит солдат-радист,– меняю на паштет два к одному.

И говорит он это с надеждой в голосе, видно осточертел им их солдатский паштет из саранчи.

- Есть,– говорит Саблин.
- Махнёмся?– Всё ещё не верит радист.

Аким лезет в ранец, достаёт оттуда отличный шмат сала с богатой прожилкой, шмат заспанный солью и болотным перцем и завернутый в пластик. Он отрезает от куса грамм двести, и, перегнувшись через борт, отдаёт кусок солдату. Тот радостно хватает сало, передаёт его товарищу, а сам скидывает свой ранец, лезет в него, но Саблин ему говорит:

- Да не нужно мне ничего, это подарок.
- Не нужно?– Удивляется солдат.
- Нет.
- У меня спирт есть,– предлагают второй.
- Да не надо ничего,– отмахиваться Аким,– это вам подарок от пластунов.
- Подарок?– Всё ещё не верит радист.
- Подарок.
- Ну, спасибо, друг.
- Удачи, товарищ.

Солдаты уходят, отойдя метров на тридцать в рассветную мглу, останавливаются и ещё раз кричат:

– Спасибо, друг.

Саблин машет рукой.

Казаки из кузова не вылезают, курят навалившись на борт, а мимо них бодро прошёл сотник Короткович, их командир. А за ним бегом замкомсотни подсотник Колышев.

Не прошло и двадцати минут, как офицеры вернулись, Короткович быстрым шагом прошёл мимо, а Колышев остановился у первой машины и заорал не в коммутатор, а в «голос»:

– Вторая сотня, сгружаемая, садимся на БТРы, загрузка боевая.

– Что, – просыпались казаки, что спали, – чего он сказал?

– Всё, хлопцы, приехали, слазьте. – Отвечали им те, кто не спал.

Боевая загрузка – это значит, что в БТР будут загружены все боеприпасы, что положены по боевому расписанию. Боевое расписание – это выход на линию фронта. Отдых закончился. Всё!

Вторая сотня – четыре взвода, вместе с миномётным расчётом, и офицерами, это почти девяносто человек. Закидать в БТРы снарягу и боеприпас для них дело минутное. Через десять минут шесть БТРов с логотипом Второго Пластунского Полка были готовы, люди лезли на броню, рассаживались. А подсотник Колышев докладывал командиру, что сотня к маршу готова: боеприпас, вода, запасные аккумуляторы и хладаген погружены по боевому расписанию.

Сотник принимает рапорт и лезет на второй БТР. Вот так вот, всё быстро и слажено, как положено.

– Товарищ сотник, куда нас? – спрашивают казаки командира.

– Нашей сотне и двум моторизированным сотням казаков приказано взять станицу Ниженка. – Отвечает Короткович.

– По солнцу, что ли, атаковать будем? – Ворчат казаки.

– Да, атаку начнём сразу, как прибудем, до темноты ждать нельзя, китайцы могут подвести подкрепление.

– А мы в лоб пойдём?

– Как обычно, – говорит сотник, – мы атакуем с фронта, казаки с флангов, и попытаются их отрезать от дороги.

В лоб, на, скорее всего, окапавшегося противника, да по свету, не дожидаясь темноты. Всё как всегда. Второй сотне везёт на такие атаки.

Подшли к станице очень быстро, там их уже ждали моторизированные казачьи сотни. Вся округа забита лёгкими квадратами и БМП степняков. Офицеры всех частей собрались в кружок над планшетом, что-то решали. Казаки и пластуны ждали. Обычно болотные казаки-пластуны и казаки степные друг друга без шпилек и колкостей не оставляли. Но сейчас не до того. Атака дело серьёзное. Поздоровались и всё. Сопение было не долгим, командиры сотен пожали руки. Есаул, командовавший операцией, показал что-то сотнику Коротковичу пальцем в планшете и, хлопнув его по плечу, сказал:

– Давай, пластун, как будешь готов, начинай, и не тани, до восьми утра твои должны войти в первую траншею китайцев.

– Есть, – говорит Короткович.

– Слыхали? – Спросил командир четвёртого взвода Михеенко. – К восьми часам нам уже в Ниженке быть.

– Да слышали, как тут не услышать, – отвечает ему урядник Носов невесело, – опять идти без разведки, без артподготовки по степи прямо на траншеи.

Михеенко хотел сказать ему что-то резкое, уже глянул на него, собрался было, да не успел.

- Командиров взводов к сотнику, – голосисто заорал прямо рядом с их БТРом Колышев.
- Командиров взводов к сотнику. – Донеслось со следующей машины.

И дальше:

- Командиров взводов к сотнику.

Михеенко так и не успел сказать Носову ни слова, слез с брони и поспешил к Коротковичу на совещание, получать боевую задачу.

– Ну что, Аким, нам опять первыми идти, – спросил Саблина командир штурмовой группы урядник Коровин.

Саблин пожал плечами, но под доспехом это движение почти невидимо, пришлось пояснять словами:

- Не впервой.

– Главное, чтобы снайперов у них поменьше было, – сказал Володька Карачевский. – Очень не люблю я этих сволочей.

- Да, – соглашается с ним Ерёменко, – эти гады хуже пулемёта.

Чагылысов Петя сидит на броне рядом с ними, оскалился, это он так улыбается. Он сам первый номер снайперского расчёта. Забавляют его эти разговоры, но он ничего не говорит, не лезет.

Бойцы штурмовой группы разговаривают, зачем лезть, им скоро в атаку вставать. Он их прикрывать будет, изо всех сил будет беречь их. Пусть пока снайперов ругают. Потом как всегда спасибо ему скажут.

«Пять сорок семь утра. Четвёртый взвод вышел на исходные. Тысяча двести метров северо-западнее станицы Ниженка. Требуется двадцать минут для разведки на местности, и ещё двадцать минут для установки огневых средств. Противодействия противника не наблюдается. В зоне видимости противника нет». – Записал прапорщик Михеенко в ЖБД (Журнал Боевых Действий Второй сотни)

Пулемётчики уже собрали пулемёт и поволокли его к месту установки. Так же уже почти готовы были и гранатомётчики.

Они нашли невысокий бархан, чуть обработали его лопатами, и теперь собрав пусковую установку, таскали к ней тяжёлые гранаты.

Снайпера сразу ушли вперёд, у снайпера оптика дай Бог, они и дозорные заодно.

- Ну, готовы? – Спросил у собравшихся бойцов штурмовой группы взводный.

- Так точно, – за всех ответил командир штурмовиков урядник Коровин. – Как обычно.

– Значит, на рожон не лезьте, в станицу не идёте, – он стал показывать пластунам на планшете их путь, – идите отсюда и прямо на юг, ровно на юг.

- То есть станицу обходим по околице?

– Точно, в лоб на неё, сразу после нас пойдёт второй и третий взвод. А вы так и держитесь барханов правее, правее. И как дойдёте до неё, оглядитесь, и если будет возможность, так ударите с запада во фланг, когда наши бой завяжут. Задача ясна?

- Так точно, – опять отвечает за всех урядник.

- Всем ясна? – Уточняет прапорщик.

- Всем.

- Так точно.

- Да, понятно. – Не дружно отвечают пластуны.

- И ещё раз говорю, не лезьте на рожон, без геройства чтобы...

Глава 4

Саблин, Ерёменко, Карачевский и командир штурмовой группы урядник Коровин – вот и все атакующие силы четвёртого взвода.

По штатному расписанию должно быть семеро: шесть бойцов и командир. Но это во взводе, в котором по расписанию тридцать бойцов. А таких взводов не бывает. Двадцать максимум. Да и то Аким не мог вспомнить, когда их было двадцать. Всегда меньше.

Вышли на исходные. Там, привалившись к ещё негорячему бархану, расположились снайпера. Снайпер Петя Чагылысов и его второй номер Толя Серёгин.

– Петька, ну что, видал их? – Улёгся рядом с ним Коровин.

– Нет, Женя, не видать, прячутся, – привычной скороговоркой отвечает снайпер. – Бруствер первого ряда окопов вижу, больше ничего, нет движения.

– Неужто нас не заметили? – Говорит Коровин, глядя в сторону станицы.

– Шутишь, Женя? – Смеётся Чагылысов. – Мы тут БТРами на всю степь ревём, степняки вон там, западнее прошли по барханам, пылищу подняли, а они не заметили? Безглазые они, да?

– Значит, затаились?

– Ага, затаились. Я бы затаился, пока бы соотношение сил не понял.

– Верно ты, Петя, говоришь, – соглашается Коровин, всё ещё глядя на станицу, которую придётся брать.

Но лежа и таращась на цель, боевую задачу не выполнишь, он оглядывается на своих людей:

– Ну что, господа пластуны, пойдём потихоньку?

– Пошли, чего тянуть, – говорит Ерёменко.

Саблин сжал кулаки, кажется, опять задрожали пальцы. Это от волнения перед боем, с ним всегда так.

– Тогда ты первый, – говорит урядник, – Саблин второй, я за ним, Володька за мной. Идём, не высовываемся, в станицу не лезем, обойдём её с запада, как взводный и сказал. Соблюдаем режим радиомолчания.

У Ерёменко, он в штурмовики переведён из минёров, как и у всех хороших минёров на мины чутьё, поэтому Коровин оставил его первым, хотя какие в барханах мины, мины будут перед позициями противника, а до них ещё добраться нужно. Саблин если не первый, то всегда второй, он самый опытный из всех, ну, кроме самого Коровина, а замыкает группу Карачевский, он тащит на себе дополнительный запас гранат и «брикет». Брикет – это десять килограммовых тротильных шашек, связанных вместе и обмотанных толстой алюминиевой фольгой. Их можно использовать по отдельности, а можно взорвать и все сразу.

Когда Ерёменко вылез на бархан и спустился с него вниз, Саблин уже хотел идти за ним, как снайпер толкнул его в плечевой щиток и показал сжатый кулак. В «кольчужной» перчатке с защитной крагой кулак выглядит весомо, внушительно. И означает он «держись, брат». Снайпер сказал:

– Я пригляжу за вами, хлопцы.

Саблин кивнул, закрыл забрало шлема и полез на бархан. Вслед уходящему вперёд Ерёменко.

Привычно вспыхнула панорам на внутренней стороне забрала, пред глазами побежали цифры, цифры. Аккумулятор, хладоген, моторы, приводы, герметичность – всё в порядке. Все три камеры работают отлично, дают обзор триста шестьдесят градусов. Микрофоны в порядке, он даже слышит, как скрепит песок у Ерёменко под башмаками. Сразу стало спокойнее, от волнения и следа не осталось, теперь работа. Простая воинская работа – идти в атаку.

Щит на ремне висит, на шее, левая рука его только придерживает, пятизарядный армейский дробовик «Барсук» под мышкой правой руки. Камеры чуть выше среза щита. Он всё видит, противник видит только щит и ноги. Так и пошли. Ерёменко в десяти шагах впереди него, Саблин идёт след в след, конечно, мин тут нет, но таковы правила, так записано в уставе, а со временем ещё и привычка. Там, где могут быть мины, след в след. Там, где мин нет, в шахматном порядке.

Первый раз за утро в костюме заработала вентиляция. Аким и не заметил, как внутренняя температура доползла до тридцати. Тридцать – предел, нужно охлаждение. При тридцати трёх возможен тепловой удар. Вентиляция охладила его до двадцати восьми, вполне комфортная температура. Днём, когда на солнце она уйдёт за пятьдесят, вентиляции хватить не будет, и тогда придётся расходовать хладагент – смесь сжиженных газов, позволяющих быстро понизить температуру внутри брони до приемлемой. А пока и вентиляции хватает.

Саблин идёт на юг за Ерёменко с бархана на бархан, всё на юг и на юг, но сам всё время смотрит на восток, в станицу. Если начнут бить, то, скорее всего, оттуда. Он выкручивает зум камер на максимум, но ничего подозрительного не видит. Никакого движения. Надолбы из прессованного песка, плиты, что защищают станицу от гуляющих от ветра барханов. Крепкие дома степных казаков, сплошь покрытые солнечными панелями. Хорошие дома, большие. У каждого дома ветряки и водосборники. Зажиточные в Нижинке живут казаки.

Но почему нет никого? Где китайцы? Вот, что мучает Акима: почему не открывают огня? Хотят подпустить ближе, в упор бить? Хорошо, что Петя Чагылысов обещал за ними присмотреть, так ему, конечно, спокойнее.

Ерёменко залез на бархан и неожиданно остановился. Поднял руку. Это значит «стоять».

Говорить нельзя, режим радиомолчания. Сказать что-нибудь в эфир – это всё равно, что залезть на бархан и начать размахивать флагом. Сразу заметят. Любые радиоволны разлетятся на десятки тысяч шагов. Даже самый ленивый радист, не говоря уже об опытном радиоэлектронщике, сразу запеленгует источник радиоволн и до метра вычислит координаты, моментально сбросив их миномётному расчёту. Или, не дай Бог, артиллеристам. Так что, пока не начался бой, разговоры в эфире допустимы только по двум причинам. Причина первая – мины, причина вторая – засада. Так что приходится как в старину смотреть за впереди идущим и следить за знаками, что он посылает.

Саблин сначала остановился, а потом быстро подошёл к Ерёменко.

Они открыли забрала, и Аким спросил:

– Чего встал?

– Так всё, дошли, если дальше пойдём, так станицу обойдём с юга. Что дальше делаем?

Саблин тоже не знал. Они позвали Коровина и Карачевского.

Собрались все возле высокого бархана:

– Ну, что делаем? – Спросил Ерёменко. – Идём дальше на юг или поворачиваем в станицу?

– Да, непонятно, – сказал Коровин и выглянул из-за верхушки песчаного холма. – Кто-нибудь китайцев видел?

Все ответили отрицательно и ждали решения командира.

А он мялся, всё ещё разглядывая станицу, рассуждал:

– Смысла нет пехоту на юг... Эх, нам бы в эфир выйти... Ладно, давайте пойдём в станицу. Тихонечко дойдём околицы, до вон тех плит, остановимся, приглядимся, одни входить не будем, будем ждать общей атаки. Саблин, теперь ты первый. И смотри за минами.

– Есть, – ответил Аким, захлопнул забрало, взял щит и полез на бархан.

Так от бархана к бархану он первым преодолел последние двести метров и у защитной плиты остановился. Никого. Тихо. Слышно только ветер да шорох саранчи. В станице ни души. Он выглянул из-за плиты и увидел окопы. Шли они по краю населённого пункта, опоясывая его. Сомнений не было.

И тут в рации он услышал знакомый резкий и не очень приятный голос Коротковича:
– Внимание, атака! Атака! Вторая и третья группа, вперёд! Остальным подавлять противодействие противника.

Всё, началось, теперь можно пользоваться связью, и Саблин заговорил, он должен был сообщить то, что видел.

– Саблин, четвёртая группа, нахожусь на западе станицы. Вижу траншеи противника, брустверы на север и северо-запад.

– Четвёртая группа, Саблин, подавать противодействие, в первую очередь пулемет, если есть, по возможности начать зачистку траншей. – Чётко выговаривал слова сотник.

– Есть, – сказал Аким.

– Принято, – сказал Коровин.

И не дожидаясь, когда к плите, за которой он сидел, подойдут остальные, Аким закрылся щитом и первым вошёл в станицу.

В камеру заднего вида он видел, что тут же за ним пошёл и Ерёменко, а за ним и Коровин с Карачевским. Значит, всё в порядке.

– Петя, – говорит урядник, – мы вошли, ничего не видишь?

– Хлопцы, нет никого, ни одного движения не видал, – сообщает снайпер.

Но это ничего не значит. Аким с опаской выглядывает из-за угла дома. Стоит несколько секунд не шевелясь – всё, вроде, тихо. И снова двигается на север к траншеям. Новый дом, новый угол. Он опять не торопится. Рисковать нет смысла, торопиться некуда, в воздухе висит утренняя тишина. Тревожная тишина. Но опять никого нет, до траншей метров пятьдесят, а вокруг никого. Странно это всё. Не будь за спиной товарищей, так не пошёл бы дальше.

У последнего дома расстегнул левый подсумок с гранатами. Потрогал гранаты, наличие этих тяжёлых вещей вселяло уверенность, наверное, большую, чем наличие дробовика и щита. Штурмовик без гранат как без рук. И только после этого, всё так же прикрываясь щитом, двинулся к траншеям.

Он подошёл к ним с тыла, если мины и были, то их поставили с фронта, перед бруствером. Тут же были ступени, которые вели вниз, но Саблин предпочёл спрыгнуть вниз. Всё-таки могли китайцы поставить мину. Спрыгнул и затих, огляделся.

Тишина, пустота и слова снайпера, что он не видел ни единого движения, успокаивали немного. И тут снова в наушниках голос сотника:

– Четвёртая группа – доклад.

– Четвёртая группа, Саблин, я в траншее, противника не наблюдаю.

– Не наблюдаете? – Кажется, не верит командир. – Точно?

– Точно, нет никого. Проверю блиндажи – доложу.

– Будьте внимательны с минами.

– Есть.

Тут же в окоп скатился Ерёменко, пока Коровин и Карачевский пошли по верху.

Саблин шёл первый, закрываясь щитом, в пяти мерах за ним Ерёменко, чтобы одной гранатой не накрыли. По верху с оружием наготове крался Коровин. Все шли неспеша, чтобы не нарваться на выстрел в упор. Они слышали уже приближающихся с севера товарищей из второй группы. Те, видя Коровина над окопами противника, маршировали как на параде. Аким заглянул в блиндаж: ящики, ящики, ящики. Еда, китайские патроны, которые можно переработать, неплохие китайские гранаты. Осматривать всё тщательнее было опасно. Он вышел из блиндажа и сообщил Коровину:

– Противник не обнаружен. Провиант, снаряга есть мальца, пусть Лёша Ерёменко поглядит насчёт фугаса, вдруг заминировано.

– Принято, – сказал урядник и тут же передал сообщение сотнику.

А казаки тем временем осматривали траншеи, а заодно и окрестные дома. Ходили спокойно, было ясно, что китайцев в станице нет. Саблин уселся на край траншеи, закурил, глядел, как к ним через барханы идёт снайпер Чагылысов и его второй номер Серёгин.

– Вот разведка, мать их, – смеялся Володя Карачевский, скидывая тяжеленный рюкзак с дополнительным боезапасом, – устроила нам сражение на пустом месте.

– Дуроломы, – соглашался с ним Ерёменко, выходя из блиндажа. Вышел и крикнул: – Блиндаж проверил Ерёменко, мин и фугасов нет.

Чагылысов подошёл к ним, прикурил от сигаретки Саблина и тоже добавил:

– А я гляжу-гляжу, гляжу-гляжу, нет движения, думаю, вот как хорошо китайцы хаваются. – Он смеётся. – Эх, разведка. Орден им какой дать или крест за такую разведку.

Из степи подтягиваются и другие казаки из их взвода. А правее входят в станицу другие взвода. К ним идёт их взводный, он слышит их разговор по коммутатору и тоже говорит:

– Зря вы, казаки, на нашу разведку ругаетесь, нам сводку степняки делали, мы по их данными оперировали, наши тут ни при чём.

– Опять эти, – Ерёменко, кажется, даже обрадовался, – да что ж за народ такой, ну всё у них абы как, всё на авось.

– Верно, – говорят бойцы из второй сотни.

– Верно, – соглашаются пластуны, не любят они степных казаков. Рады, что степняки опять обмишурились, а не свои, болотные.

Аким тоже с этим согласен, просто не говорит.

Глава 5

И тут на всю сотню радостный крик в коммутаторе:

- Хлопцы, свинья! Вторая сотня, тут свинья по станице бегают.
- Бей, – сразу отзываются голоса.
- Нельзя, чужая. – Кричит кто-то.
- На китайцев спишем, бей.
- Негоже так.

Но это всё голоса не офицеров, офицеры молчат, хотя и слышат эти разговоры, а значит, свинье конец.

Саблину, честно говоря, поднадоел войсковой рацион, жареная свинина была бы кстати. Так и случилось. Хлопает одинокий выстрел вдалеке.

- Всё, – кричит кто-то, – вторая сотня, на обед свинина.
- Да сколько там той свинины будет с одной свиньи на целую сотню, – бубнит кто-то, – по кусочку на брата, так, ерунда, только аппетит разкучерявить.

Но Саблину было всё равно, он не завтракал, по кусочку – так по кусочку,

Минёры проверили траншеи, ничего не нашли, видно, китайцы уходили в спешке, фугасов поставить нигде не успели. И после этого старший прапорщик Оленичев, кошевой второй сотни, пошёл считать трофеи.

Коровин смотрел на то, как кошевой лазит по траншеям, смотрел и сказал:

- Взводный, ты бы шёл с ним, а то там, гляди, этот хитрец из второго взвода уже кружится. А трофеи-то наши. Пусть кошевой нашему взводу их запишет, мы первые в траншею вошли.

И вправду, командир второго взвода, прапорщик Луковинский ходил за кошевым, не отставая.

- И то верно, – оживился прапорщик Михеенко. – Этот проныра Луковинский опять хочет наш трофей поделить.

Он ушёл и, тут же поднимая тучи пыли по бездорожью, въехал в станицу штабной БТР, остановился рядом с бойцами четвёртого взвода. Из открывшейся броне-двери вышел сам командир Второго полка, полковник Ковалевский, а за ним начштаба подполковник Никитин и сотник Короткович. Они подошли к казакам, поздоровались. Казаки поднялись, потянулись, недружно ответили на приветствие.

Ковалевский бросил беглый взгляд на окопы и на прапорщиков, что считают там трофеи, и спросил, поворачиваясь к четвёртому взводу:

- Значит, противника не было?
- Никак нет, – ответил замком взвода урядник Носов. – Мы вошли, траншеи пустые были.
- Кто вошёл первый? – Продолжал полковник.

Носов обернулся к штурмовикам:

- Хлопцы, кто первый был?
- Казак Саблин, – ответил командир штурмовой группы Коровин.
- Товарищ Никитин, запишите в Журнал Боевых Действий, что первый в траншеи противника вошёл казак Саблин.

- Есть, – сказал начштаба.

– Так, там противника не было, – негромко, и неуверенно произнёс Аким, ему было как-то даже неудобно, что за такую ерунду, его вписывают в ЖБД.

Сказал он негромко, но полковник услышал и, сделав шаг к нему, спросил:

- А что, если бы противник был, не вошли бы?
- Вошёл бы, – ответил Саблин.
- Ну, тогда ничего не меняем, запишите казака, товарищ Никитин.

– Есть, – повторил начштаба полка, и командиры направились к штабному бронетранспортеру.

– Ишь ты, – сказал Юрка Жданок, взводный радиоэлектронщик, – тебе теперь, Акимка, никак медаль дадут.

– Никакую медаль ему не дадут, – произнёс урядник Коровин, – а вот в личное дело занесут.

– Надо было мне первому идти, – с досадой сказал Ерёменко.

– Так и шёл бы, я сначала тебя первым посылал, – произнёс урядник Коровин. – Отпихнул бы Саблина да сам первый пошёл бы.

– Ишь как Лёшка Ерёмекно расстроился, – язвил пулемётчик Вася Каратаев, – упустил запись в личное дело, на ровном месте упустил.

Казаки посмеялись, кто-то ткнул кулаком Саблина в плечо. Поздравил.

Хоть и не медаль, но хорошая запись в личном деле тоже не помешает. Но Саблин всё равно чувствовал себя неловко, награда была какая-то незаслуженная.

А в станицу с севера в клубах пыли уже вползали грузовики, их Второй Пластунский Казачий Полк был в голове колонны, а за ним пехотные части, казахи, артиллерия. Бесконечный караван выплывал из моря пыли. Какие-то машины останавливались в станице, а некоторые проскакивали её, шли дальше и дальше на юг. Четвертый взвод, расположился под навесом у большого дома.

Восьми нет, а на термометре уже тридцать шесть. Пластуны смотрят на колонну, шуряются, ждут завтрака.

– Куда теперь их? – Лениво интересуется Стёпа Тренчук, глядя на машины, что проезжают станицу, не останавливаясь.

– На Аэропорт, – отвечает урядник Коровин.

– Евгений, а ты ведь был в этом Аэропорту? – Спросил радист Зайцев.

– Ага, – ответил замком взвода, – лет десять назад... Нет, девять по-моему.

– И что? – Продолжал интересоваться Зайцев.

– Тяжко было. Там нам так надавали китайцы, что вспоминать не хочется.

– А как там было-то? – Тоже заинтересовался гранатомётчик Хайруллин.

– Да создали перевес они солидный, нагнали аж две дивизии своих, артиллерии собрали немало. Первым делом по степи обошли, фланги обрезами, а потом и на центр навалились, головы поднять не давали – их артиллерия всё сметала, – урядник достал сигареты, закурил, – не поднять головы... Мы выскочили последние, едва успели, чуть в котёл нас не взяли. Выходили ночью через барханы, по дороге никак, они вплотную к ней подошли уже. «Санитарок» целых не было, раненых уйма, всех на руках тащили, столько снаряги бросили – горы. Пулемёты, мины... Горы всего.

Он курит, а все молчат, слушают, ждут. И урядник продолжает:

– А потом четыре месяца их оттуда выбивали. Четыре месяца непрерывных боёв. По три атаки за ночь бывало. Подойдем, мины снимем, постреляем, получим малость – откатимся, снова идем, а они новые мины успели поставить, и так по три раза за ночь. Люди с ума сходили, оружие бросали... Отказывались в атаку идти. Судили их, расстреливали. Народу там полегло...

– Много? – Спросил Червоненко.

– Сотни. – Ответил урядник. – Только раненых по двадцать «санитарок» поутру отъезжало. Так и ехали, «санитарки» на север, а свежие части им на встречу.

– А что это за Аэропорт, что там? – Спрашивает Червоненко. – Станица такая древняя?

– Да нет, это огромная открытая площадь, вся в бетоне. Не жил там никто, хотя здания есть. Площадь огороженная, но всё равно её барханами замело. С севера и востока камень, скалы. Ничего особенного.

– Аэропорт – это что-то вроде парка, для летающих машин, они туда прилетали и стояли там, – вставил Саблин.

– Вот, – сказал Коровин, – именно. Бетонное поле с барханами да десять бетонных зданий.

– А чего ж мы с китайцами так за него загасились? – Удивился Червоненко.

– Резервуары там под полем огромные. – Ответил урядник. – Для воды, для топлива.

Теперь всё стало на свои места. Теперь все сразу всё поняли. Резервуары для воды и топлива с сухой раскалённой пустыне – это плацдарм для наступления. Таскать цистерны с топливом и водой на сотни километров можно, конечно, только так ни за что не обеспечить наступления. Удобнее найти базу в степи, натаскать туда воды и масла для двигателей, собрать воска и с этой базы начать компанию. Тем более что от Аэропорта до болот, где уже начинаются пластунские станицы, чуть больше двухсот километров.

Один переход. Один переход, и китайцы на болотах. На их родных ботах.

Казаки приумолкли, задумались, курят сидят. Но тут их раздумья прервал радостным сообщением вернувшийся взводный:

– Спите? Не спите, там третий взвод вышку водонапорную нашёл, там двадцать кубометров воды. Мы командованию ещё не доложили, идите мыться, пока обед не готов, всей второй сотне помыться можно.

Задумчивости как не бывало. Солдату и казаку удобнее жить одним днём, днём сегодняшним. Аэропорт далеко, что о нём думать, может, и не пошлют его брать, может, обойдётся, может, другим не повезёт, а вода вот она, рядом. Вода – это большое удовольствие на войне. Четвёртый взвод быстро собрался и пошёл искать водонапорную башню, пока командованию не доложили о таком количестве бесхозной воды.

Хорошо, что так получилось. Сначала все, конечно, спрашивали, почему опять мы, что за невезение. Почему именно наша Вторая сотня должна с ходу и при солнечном свете штурмовать станицу. Так на войне спрашивают все и всегда. А теперь все бойцы этого подразделения были уверены, что все, что они получают, это заслуженная награда. Боя, конечно, не было, но нервы-то им потрепали. И внеочередная помывка, и роскошный завтрак-обед из жареной свинины с едким болотным чесноком, и гарнир из настоящего риса, еды китайских офицеров, что удалось найти в одном из блиндажей. И ещё одних суток отдыха. Ну, а как без этого, атака же была? Надо отдохнуть.

После помывки и отличной еды казаки разбрелись по чужим, не разграбленным китайцами домам и, не очень-то церемонясь с чужой собственностью, отдыхали, включая кондиционеры и увлажнители на полную мощность.

Штурмовая группа четвёртого взвода с минёром Червоненко, скинув доспехи, нежилась под навесом во дворе большого дома. Ерёменко не постеснялся, вытащил из дома увлажнитель на длинном удлинителе, поставил перед собой и протянул к нему ноги. Остальным тоже доставалось немного влаги и прохлады.

Бойцы смотрели издалека, как одна за другой в клубах пыли в станицу едут и едут машины. Без остановок, без промежутков. Полные грузовики людей, снаряжения, провианта, боеприпасов.

– Да, аэропорт будем брать по любому. – Задумчиво сказал Юрка, глядя на бесконечный караван машин.

– По любому, – согласился с ним Карачевский. И восхищался тут же. – Ты глянь, какую силу туда тянут!

И в эту секунду, шелестя двигателями, к их дому подъехал квадроцикл. Вестовой с номером Второго полка на пыльнике, их однополчанин, крикнул:

– Хлопцы, вы из второй сотни?

На пыльниках и доспехах обязательно указан номер подразделения, но все это Саблин и его товарищи сняли перед помывкой и больше не надевали, поэтому Червоненко спросил в ответ, насторожённо-нейтральным тоном:

– А вы, зачем, товарищ, интересуетесь?

– Приказ для перового взвода у меня.

– Ах, для первого, – облегчённо говорит Червоненко, – мы не первый.

– А первый где?

– Первый, – Юрка с притворной озадаченностью смотрит на Акима, – на помывке мы их видели, на обеде видели, а где они квартируются – не знаем, да, товарищ Саблин?

Саблин только головой помотал.

– Да ну вас, – махнул на них рукой вестовой.

– Да по радиции найди, чего ерундой занимаешься? – Сказал урядник Коровин.

– Да не отвечает их радист, спит, наверное, увалень, – злился вестовой, – поэтому и послали из штаба их искать.

– Они с востока в станицу входили, – сказал Саблин, которому стало жалко вестового, – там, наверное, и расквартировались.

Вестовой поблагодарил и уехал, добавив в воздух ещё пыли, а Юрка сказал осуждающе:

– Вот добрый ты, Аким, человек. Зачем ты ему сказал?

Аким глянул на него, ничего не ответил. А Червоненко продолжил:

– Пусть помотался бы, поискал бы. Сидят там, в штабе, задами к лавкам приросли, уже забыли, как броню надевать.

– А ты, Червоненко, не любишь штабных, всё ещё грустишь, что тебя из штаба выперли? – Смеялся Коровин.

– Да ничего я не грущу, – злился Червоненко, этот вопрос для него неприятен, – да и не попёрли меня, я с руководством характером не сошёлся. И сам рапорт написал.

Казаки смеются.

– Ты глянь, вспомнили, то было-то когда? – Продолжает Юрка. – В старинные года. Лет десять назад. А они помнят, ты глянь, какие памятливые.

– Да, – как бы сам себе говорит Ерёменко, – сам, говорит, рапорт написал. Надо же. Вот не будь у человека такого склочного характера, так в штабе и сидел бы. Папки в штабном планшете чистил бы полковнику, сводки писал бы, файлы отправлял бы. А вот теперь через свой дурной характер пойдёт дурень на штурм Аэропорта. Водил бы дружбу с писарем, с кодировщиком. А то вот сидит тут в пыли...

Казаки засмеялись ещё больше.

– Ой, да ладно, – Юрка выхватил увлажнитель из-под ног Ерёменко, поставил перед собой, направил на себя, – уж лучше на штурм, чем там, в штабе.

– А ну верни увлажнитель на место, – говорит Ерёменко с наигранной строгостью, – был бы ты, Юрка, штабной какой, тогда понятно, им без увлажнителей никак, они, считай, почти офицеры, а ты минёр обыкновенный, тебе увлажнитель не по чину, верни его на место.

Хорошо вот так сидеть, слушать болтовню, смеяться. Саблин тоже со всеми смеялся. Что будет завтра, он не знает и даже не думает, солдат и казак о завтрашнем дне думать не любит. Ни к чему это. На войне жить нужно днём сегодняшним. Стоит рядом увлажнить воздуха и можно ничего не делать, так и радуйся. Иначе с ума сойдёшь.

Глава 6

– Штурмовые, вы тут? – Орёт кто-то из темноты. Стоит на пороге дома, внутрь не заходит, но орёт так, что во всех комнатах слышно.

– Тут мы, чего? – Спрашивает сонный Ерёменко.

– Тревога! Подъём! Какого хрена у вас у всех коммутаторы отключены. Пол часа вас ищу! Повторять не нужно все вскакивают, быстро натягивают «кольчуги».

– Два ночи. – Замечает Карачевский. – Доспех сняли, аккумуляторы бережём.

– Давайте быстрее, – говорит пришедший из темноты. – БТРы уже на погрузку подали.

– Что, китайцы? – Спрашивает Червоненко пришедшего, пока тот не ушёл. Сам Юрка уже влез в «кольчугу» нацепил кирасу и крепит раковину. Он быстро экипируется. Этого у него не отнять.

– Кажись, первый взвод размотали, взвод уже час не выходит на связь, а до этого сообщил, что ведёт бой с двумя ротами НОАК и что потери есть, – говорит казак и уходит.

На улице суета, грузовиков и тягачей разных много, вся центральная улица забита ими, но это всё чужие машины, побежали искать свои. Не сразу, но нашли своих, они были на южной окраине станицы. И сразу получили втык.

Ночь, пыльная броня, яркий свет фар в беспроглядной темноте, низкая вибрация мощных двигателей, запах рыбьего топлива и горячего выхлопа, саранча летит на свет. Десятки людей грузят большие и тяжёлые ящики в бронетранспортёры и в грузовик. Заняты привычным делом.

И подсотенный Колышев подбородок вперёд, шлем не снимает, смотрит из-под забрала, словно оценивает, идёт к штурмовикам на встречу. Он и так-то не славился добрым нравом, а тут и вовсе леденеет от злости, даже в темноте это понятно. Слова выговаривает – едва не шипит:

– А, вот и господа штурмовики.

– Разрешите доложить, – начал было Коровин...

Но Колышев его останавливает жестом:

– Вы уж извините, господа штурмовики, – он подходит к Червоненко, пальцем «кольчужной» перчатки, стучит по его грудному знаку минёра, – и примкнувшие к ним, что мы вас, героев, побеспокоили. Потревожили ваш геройский сон, но дело уж больно спешное. Наши товарищи из первого взвода, если вас это, конечно, интересует, уже три часа ведут тяжёлый бой.

– Товарищ подсотенный, я сейчас... – Начинает Юра.

– Молчать! – Орёт Колышев прямо в лицо Юрке. – По уставу перед фразой, обращённой к офицеру, необходимо использовать форму: «разрешите доложить» или «разрешите обратиться».

– Разрешите доложить, – снова пытается Червоненко.

– Не разрешаю, – резко пресекает подсотенный и продолжает: – Я полагаю, господа штурмовики, что у вас создалось иллюзорное ощущение некой элитарности вашей войсковой специальности.

Теперь он подходит к Акиму и говорит, глядя ему в глаза:

– Вот вы, герой вчерашнего штурма пустых окопов, вы и вправду считаете, что вы элита нашего соединения?

– Никак нет, – сразу ответил Саблин, очень ему было неприятно слышать фразу: «герой вчерашнего штурма пустых окопов». Задел язвительный Колышев его этой фразой.

– Может, кто-нибудь из вас считает, что вам положены поблажки, так как вы штурмовая группа, может, вам положен более продолжительный сон, офицерский рацион или освобождение от погрузочных работ?

– Ника нет, – за всех говорит урядник Коровин.

– Так почему в таком случае мы вынуждены разыскивать вас двадцать пять минут? – Спрашивает Колышев у Коровина.

– Виноват, – сухо отвечает Носов.

– Выражаю вам своё недовольствие, – едко говорит подсотенный прямо в лицо.

– Есть, – говорит урядник Коровин.

Тут к месту подбегает взводный, прапорщик Михеенко. Колышев встречает его улыбкой:

– А вот и командир отличившихся. Кстати, вам я тоже выражаю своё недовольствие.

– Есть, – вздыхает прапорщик.

Подсотенный молча поворачивается и уходит, уходит, а прапорщик подходит к Носову и выговаривает:

– Ну как первый год служишь, честное слово, – выговаривает прапорщик Михеенко уряднику Коровину.

Тот вздыхает, морщится, понимает, что виноват. А вот Юра виновным себя не ощущает и спрашивает у Михеенко:

– Слышь, взводный, а что с первым взводом?

– Их поставили дорогу охранять в степь, шесть километров на восток от дороги, их и два взвода степняков, чтобы китайцы из степи дорогу на Аэропорт не порезали. Вот китайцы и попытались, степняки откатились, а наши за камни зацепились, почему не отступили – непонятно. На связь не выходят, видно, рации конец.

– Степняки, заразы... – Говорит Ерёменко.

– Они всегда такие были... – Зло говорит Карачевский. – Как чуть прищемили, так сразу бегут.

– Вот уроды, – Юрка сплёвывает.

Видно, что его да и всех бойцов штурмовой группы очень злят сапные казаки.

А вот Саблине не таков, с ним всё хуже, он не может высказаться и сплюнуть. Молчаливый и закрытый человек, с виду, вроде бы, и невозмутим, но изнутри его разъедает холодная злоба. Костяшки пальцев, что сжимают дробовик, под крагами побелели. Просто он всё хранит её себе, растит её в себе. И злится он не на китайцев, что с них взять, они непримиримые враги. Сейчас он думает о том, что сам бы расстрелял командира степняков, который дал приказ отходить и бросить их первый взвод в степи на растерзание китайцам. Аким сам бы вызвался в расстрельную команду. И плевать ему, что лёгкие казачьи части не предназначены для вязких и тяжёлых контактов. Они могут за час пройти по барханам тридцать километров. Но это бойцы с лёгким вооружением на квадроциклах, багги и слабо бронированных БМП. Их задача – быстрые рейды по степи, фланговые обходы, засады, контроль и разведка. Нет у них ни тяжелого вооружения, ни сотен мин, как у пластунов, и броня у степняков много легче пластунской.

Но всё равно ничто из перечисленного не оправдывает такого поведения в глазах Саблина. Внутри его всё клокотало от злости, хотя внешне он невозмутим, разве что хмур и угрюм.

– Ладно, – продолжает прапорщик, – мы уже загрузились.

И тут голос в наушниках шлема, говорит подсоленный Колышев:

– Вторая сотня, собраты у головной машины.

– Пойдём, хлопцы, – говорит прапорщик, – не дай Бог ещё и сейчас опоздать. Подсотник съест поедом.

– Значит так, – чуть подумав, говорит Колышев, оглядывая в свете фар БТРа собравшихся казаков. – Первый взвод был выдвинут в боевое охранение дороги, он и два взвода из Одиннадцатого Казачьего полка охраняли дорогу с востока. Час назад они сообщили, что атакованы превосходящими силами противника, говорили, что китайцев ориентировочно две роты. Совместно со степняками было принято решение отходить, но наши почему-то отойти не смогли. Казаки из Двадцатого Линейного полка, поняв, что наши не отошли и ведут бой, вернулись за ними, но подойти уже не смогли, теперь они тоже ведут там бой.

– Значит, не бросили наших степняки, – шепчет Каштенков, что стоит рядом с Саблиным.

От этого как-то сразу настроение у Акима улучшилось. Это всё просто неразбериха, не струсили линейные, не убежали. И зря он кого-то расстреливать уже собирался.

– Наши блокированы. – Продолжает подсотник. – Задача номер один – подойти и деблокировать четвёртый взвод, забрать раненых, – он замолчал на секунду, – и убитых, если есть. Задача два – родготовить позиции и предотвратить возможность прорыва противника к дороге. Дождаться подхода основных сил полка. Вопросы?

– Да как там, в барханах, позиции подготовишь? – Крикнул кто-то.

– По мере возможности, к дороге до утра мы китайцев подпустить не должны.

– А чего БТРов только два? – Спросил Володька Карачевский.

Подсотенный как будто ждал этого вопроса, он даже, кажется, обрадовался ему:

– Для господ генералов из четвёртого взвода сообщаю, на первом БТРе ушёл первый взвод, ещё один БТР неисправен, а на двух этих, – он указал рукой на два готовых к выходу бронетранспортёра, – поедет второй и третий взвод. А вам господа, будет подан вон тот комфортабельный грузовик.

– Так это двухвостный грузовик, – произнёс Юрка Червоненко, – он в барханах не пройдёт.

– Рад, что вы заметили, – язвительно сказал Колышев, – но другого в нашем распоряжении, к сожалению, нет, так что вам, господа из четвёртого взвода, придётся пред барханами спешиться, взять всё, что положено по боевому расписанию и догонять второй и третий на своих, как говорится, двоих. Если вас, конечно, это не затруднит. И надеюсь ни у кого из вас, господа из четвёртого взвода, не будет проблем с ходовой частью брони. Я не хочу слышать, что среди вас есть отставшие из-за поломок приводов или сервомоторов на марше.

Четвёртый взвод молчал. Все остальные пластуны тоже.

– Ну, раз вопросов больше нет, – продолжал Колышев, – добавлю: командовать операцией буду я, так как Короткович уехал с полком и будет только через четыре часа. Всё, грузимся.

Казаки стали быстро грузиться, кто на тёплую броню, кто в грузовик. И когда они грузились, между ними в свете фар, стали пролетать белые, лёгкие шарики. Ночной ветер нёс их с запада.

– Пух, – с непонятной радостью сказал Володя Карачевский.

– Что-то рано степь зацветает. – Сказал урядник Носов, усаживаясь рядом с Саблиным. – Сейчас и саранча, значит, полетит. А потом и прохладненько станет.

– Скорее бы уже, – произнёс второй номер снайперов Серёгин. – Осточертела жарница.

Машина дёрнулась – люди в ней качнулись – поехала вслед БТРа, и колонна второй сотни покатила в ночь, на выручку своим товарищам, что вели бой в десяти километрах отсюда.

Глава 7

Ночь, двадцать пять градусов, звёзды. Удивительно, как хорошо бывает в степи. Ни пыльцы тебе, ни мошки, ни зноя. Саблин отключил электрику и скинул шлем, который болтался на затылке. Респиратор тоже стащил с лица, дышал полной грудью, этим замечательным прохладным воздухом. Только саранча стрекочет вокруг, летает в свете фар БТРа, её так много, что стрёкот множества крыльев сливается в нудный, непрерывный гул. Она летит к дороге вместе со степным пухом, со всех окрестных пыльных барханов, привлекаемая тучами пыли и шелестом электроприводов. Если бы не саранча, можно было бы думать, что ты в раю. Впрочем, Саблин так и думал, сидя на броне, облокотившись на ствол двадцатимиллиметрового орудия и покачиваясь в такт неровной дороге. Под ребристыми колесами скрипят пыльные наносы, маленькие барханчики, что за ночь собрал на дороге ветерок. Безмятежность. Мерное покачивание и звуки убаюкивают. Так можно и заснуть, но спать нельзя, свалишься с брони. Такое бывало. Не с ним, конечно.

И вдруг зашелестели колёса, инерция качнула его вперёд, бронетранспортёр встал. Сразу сзади его догнала пелена мелкой пыли. Саблин натянул респиратор.

И секунды не прошло, как остановились, а со второго БТРа уже кричат:

- Аким, чего встали-то? Приехали?
- Сейчас, – кричит Саблин в ответ и стучит прикладом по броне. – Вася, чего стоим?
- Пост, – орёт водитель из кабины через открытый люк.
- Пост, – кричит Саблин назад в пыль.
- Сотника на пост просят, – тут же орёт в открытый люк мехвод Вася из БТРа.
- Сотника на пост, – кричит Саблин назад.
- «Сотника на пост, – отзываются дальше, и ещё дальше, и ещё, – сотника на пост».

А из темноты в свет фар выходит солдат в пыльнике, с винтовкой, в шлеме, открыто подходит к БТРу и говорит, задрав голову:

- Товарищи сапёры, у вас сигаретки не будет, второй караул без сигарет.

Солдат молодой, вроде, совсем, и Юра ему отвечает с брони:

- А где ты, балда, тут сапёров увидал?
- А, так вы казаки, – солдат приглядывается к эмблеме на броне, – товарищи казаки, дайте сигаретку.
- А где ты, балда, тут казаков увидел, – кричит Зайцев.

Все на броне смеются, солдат стоит растерянный, светит фонариком на броню, а там и вправду две эмблемы казачья и саперная, смотрит молодой солдат на них и не понимает, с кем говорит.

Юра лезет в карман пыльника, достаёт смятую, почти пустую пачку сигарет, протягивает её солдату:

- На, и запомни, мы не просто казаки, пластуны мы.
- Спасибо, пластуны, – говорит солдат, заглядывает в пачку, – что, все мне?
- Бери-кури, до боя не помри, – говорит Юра.
- Все опять смеются. Юрка балагур.

- Зря, Юрка, ты его балуешь, – говорит старый казак замком взвода урядник Носов.

У Носова это двадцатый призыв, он всё знает:

- Сигареты у него офицер отобрал, чтобы в карауле не курил.
- Да ладно, пусть покурит, – говорит Юра. – Сам по молодости в караулах мучился без сигарет.

Тут из клубов оседающей пыли в свет фар выходит подсотник Колышев. Идёт, разминая шею и плечи на ходу, подходит к солдату.

И вдруг далеко на юго-западе небо осветил всполох. Далёкий, но яркий. А потом ещё один. И ещё. И через шелест саранчи докатилось тяжкое: У-у-м-м-м. У-у-у-у-м-м. У-у-у-у-у-м-м-м-м-м.

– Двести десятые, – говорит Зайцев, с каким-то неопытным злорадством.

Все смотрят в ту сторону.

Все на броне знают, что это значит. Так при взрыве освещают небо тяжёлые двухсот десятимиллиметровые снаряды.

– Они, «чемоданы». Век бы их не слышать. – Говорит Юра, он встал на броне, смотрит на юго-запад, туда, где всполох за всполохом взрывы освещает небо.

– Вот туда и поедem, – говорит он, наконец.

– Ну, а то куда же, – подтверждает его слова урядник Носов. – На Аэропорт пойдём.

Все молчат, всё веселье сразу как-то кончилось. Надеялись казаки, что может ещё куда, в заслоны на фланги, может даже в резерв, но теперь всем стало уже очевидно: пункт назначения Аэропорт. Все только и смотрят туда, на юго-запад. Кто смиренно, а кто и со злостью. Но тут взрывы прекратились.

Здоровенная, в полтора пальца саранча со шлепком плюхнулась на шею Саблину, едва в панцирь не упала, он тут же прихлопнул её и с хрустом прокрутил между шеей и ладонью, скинул её вниз с омерзением. Потрогал шею, нет, вроде, цапнуть не успела.

Подсотенный с солдатом стоят и разглядывают что-то в планшете, и солдат рукой машет как раз на юго-запад. Офицер понимающе кивает, и они расходятся.

– Господин подсотник, куда нас? На Аэропорт? – Спрашивает Юра. Он так и стоит на броне, не сел ещё.

– На Аэропорт, – сухо отвечает Кольшев и уходит к грузовикам, в конец колонны.

– Эх, жизнь казачья, – Юра усаживается на своё место.

Солдатик так и стоит, курит у обочины, как БТР тронулся, он стал махать им рукой, но тут же пропал в темноте, как только выпал из света фар.

Колонна сворачивает на юго-запад. Идёт туда, где опять в чёрное небо рвутся огромные оранжевые всполохи. Колонна идёт на Аэропорт.

Шлем, кираса, гаржет, наручи, наплечники, краги-рукавицы, раковина, поножи, наголенники, противоминные ботинки – всё из ультракарбона и пеноалюминия. Общий вес – семь с половиной килограмм. Аким входил во взводную штурмовую группу из четырёх человек. А значит, винтовка ему не полагалась. Шестнадцатимиллиметровый стандартный дробовик «Барсук», два и два килограмма, и сто двадцать патронов к нему. Шестьдесят картечи, двадцать бронебойных жаканов, двадцать зажигалок «магний» и двадцать – «дробь», мелкая картечь против дронов. Почти шесть килограммов. Но главное оружие штурмовика не дробовик, главное оружие штурмовых групп – гранаты. Шесть «фугасов» для подствольного, три кг без малого. Четыре ручные гранаты: две «термички», они не большие, и две «единицы», каждая по одному кг, всего почти четыре кг. А ещё штурмовику полагался трёхкилограммовый пеноалюминиевый щит. «Аптечка».

Ко всему этому термостойкое, противоосколочное бельё «кольчуга». Десятимиллиметровый армейский пистолет «Удар» и две обоймы по шесть патронов к нему. Аккумуляторы, баллон с охлаждающим газом, фляга воды на два с половиной литра. Плащ-пыльник, тоже противоосколочный. Рюкзак. Две банки каши и галеты. Ещё семь килограмм.

С таким весом с брони слезать нужно аккуратно. Спрыгнешь – ноги переломает или приводе в «коленях» сорвёшь. Аким так и слезает. А вокруг пылища, грузовики идут и на передовую, и с неё, поднимают тонны лёгкой пыли. Он сразу надевает респиратор.

Их колонна стала у обочины, пропуская колонну пехотного полка вперёд. Затем пропустили миномётную батарею. Старшины ничего не говорят, казаки терпеливо ждут. Курят,

на секунду отодвигая маски, переговариваются. На казаках уже сантиметровой слой пыли, но забрала на шлемах никто не закрывает. Снова на юге всполохи взрывов. Но теперь они приносят не далёкий гул. Теперь звук разрывов слышен отчётливо, они совсем рядом.

– Ну, двенадцать уже, – говорит Юра, пританцовывая у БТРа, – чего ждём, рассвета? Чтобы по жару воевать?

– Вечно ты, Юрка, мельтешишь, – осаживает его урядник Носов, – сиди, отдыхай, может, и не начнём сегодня.

– Да как тут отдыхать в такой пылище, – бубнит Юра.

– Нет, Алексей, – не соглашается с урядником командир штурмовой группы Коровин, – он такой же, как и урядник, опытный, полтора десятка призывов прошёл, поэтому имеет права перечить Носову, – начнём сегодня, до утра пойдём, подсотенного уже в штаб звали для получения задания.

– Быстрее бы уже, – говорит гранатомётчик Теренчук и вдавливая в пыль окурочку большим ботинком. – Не люблю я ждать вот так вот.

– А кто ж любит, – соглашается урядник, – никто не любит.

– Сейчас, – говорит Юра со знанием дела, – солдафоны по шапке получат, откатятся, и мы пойдём, слышите, турели заливаются.

И вправду, мерзко и высоко, такой звук далеко слышно, с каким-то надрывом завизжала турель. До турели было далеко, но даже тут Аким представил, как с этим звуком ночную черноту разрывают прерывистые линии смертоносного огня. И вторая, чуть подальше, чуть тише заработала. Этот противный звук ни далёкие взрывы, ни снующие грузовики не перекрывали.

– Слышите, скрежет! Прикажут нам турели сбивать, – говорит Теренчук.

– А пред ними будут сплошные мины, – добавляет Юра.

– Ну, на то вы и пластуны, чтобы идти туда, где другие не прошли, – говорит Коровин важно.

– Правильно говоришь, Женя, – поддерживает его урядник Носов.

С ними, старыми, никто не спорит. Старшины.

На броню вылезает Вася, механик-водитель. Чуть пританцовывая, разминает ноги и кричит сверху:

– Товарищи казаки, кто дополнительную воду брать будет – берите. Транспорт дальше не идёт.

– А чего? – Спрашивает у него радиоэлектронщик Жданок.

– Приказ. – Важно поясняет Вася. – Велено мне в резерве быть. Так как я сугубо ценный. Меня велено беречь.

– Слышь, ценный, а боекомплект мы на горбу потащим? – Зло спрашивает Юра.

– Товарищ Червоненко, – важно говорит Вася, – боекомплект до места боевых действий доставит вам геройский экипаж второго БТРа нашей сотни, которым командует мой друг, казак Иван Бусыгин. – И уже серьёзно говорит мехвод. – Разбирайте воду и начинайте перегружать боекомплект – приказ Колышева. Скоро пойдёте, казаки.

– Ну вот, а вы боялись, что до утра не начнём, – говорит урядник Носов, поднимаясь с пыльного холмика, и кричит. – Четвёртый взвод, давайте, хлопцы, перегрузим боекомплект во второй БТР.

Тут подошёл и второй бронетранспортёр. Транспорт, так сказать, до места назначения.

Вот так обычно всё и начинается, с этого и начинаются бои. Казаки стали доставать ящики с патронами и гранатами, таскать их с одного борта на другой, Бусыгин вылез, отворил бронированные двери своего БТРа, помогал укладывать большие ящики, а мимо их колонны всё сновали грузовики, поднимая тучи пыли. Больше никто не разговаривал, начиналось дело.

Глава 8

– Четвёртый взвод, кто воду не взял – берите, – орёт старший прапорщик Оленичев.

– Я тебе взял, – говорит Юра, протягивая двухлитровую баклажку. – Мало ли, может, до солнца провозимся.

БТР зашуршал моторами и поехал обратно на север, поднимая пыль.

Не хотелось бы до солнца. Тут, в степи, на солнце сорок пять будет. Никакого хладогена не хватит. Саблин берёт баклажку, закидывает её себе в ранец. Ещё два кило нагрузки. А у него в левом «колене» сервомотор не докручивает. А может, и привод не дожимает. Со стороны, кажется, что он на левую ногу припадает. Как бы в бою не отказало. Он относил неделю назад «колесо» к полковому механику, тот час копался, ничего не нашёл. При Акиме на стенде включал-выключал, сгиб-разгиб работал штатно. А как броню наденешь, так начинает заедать на разгибе. Но пока, вроде, работает.

Тут пришёл прапорщик Михеенко, взводный. Они с урядником Носовым перекинулись парой слов, потом прапорщик собрал людей и сказал:

– Приказ пришёл, солдаты на гряде пойдут, мы с ними.

– Ну, нетрудно было догадаться, – замечает Юрка.

У Юрки всегда есть, что сказать. Остальные казаки молчат, слушают, что ещё скажет взводный.

– Молите Бога, чтобы не нашему взводу пришлось в лоб по склону идти. Я карту глянул – жуть, там просто каша будет. Ни барханов, ни камней, открытый стол. Стреляй – не хочу.

– Молишь Бога? – Тихо спрашивает Юра. – Или опять спишь?

– Угу, – отвечает Аким.

– Что «угу»? – Не унимается друг. – Не понял, ты спишь или молишься?

Иногда Юрка его раздражает своей болтливостью. Сейчас бы послушать взводного, а он языком чешет.

И тут в коммутаторе голос, чёткий и твёрдый:

– Вторая сотня, прибыть в расположение штаба.

Сотник. Их зовёт.

– Ну, пошли, ребята, – говорит прапорщик Михеенко, – кажись, наше время.

Вся сотня собралась у штаба, с сотником и подсотенными, с вестовыми, всего больше семидесяти человек. Кто сел наземь, кто стоял.

Сотник Короткович, что называется, из молодых да ранних. Он, может, чуть старше Саблина. Всегда строг, собран, серьёзен. Он из линейных казаков пришёл, по сути, пластунам если не чужой, то уж точно не свой. Его не очень жаловали, но уважали. Казак он был опытный, хоть и из степняков. Случилось так, что с Акимом он был знаком ещё по Тарко-Сале, их участки фронта были рядом. Тогда ещё старший прапорщик Короткович даже пару раз заходил к Саблину в блиндаж. Но то когда было. Теперь, когда его назначили в сотню Саблина, он и виду не казал, что они когда-то были знакомы. Сначала это Акима задевало. Как так можно – даже не кивнул знакомцу, даже виду не показал сотник, что они знакомы. А потом Саблин и сам забыл про знакомство. Не так и хотелось.

В свете фар грузовика они собрались полукругом. Для наглядности из штаба принесли большой планшет, установили так, что бы всем было видно карту, и были ясны задачи.

– Задача поставлена нашей сотне такая, – чеканит голосом сотник Короткович, – поддержать наступление армейцев и с ними сбросить китайцев с высоты сто сорок ноль шесть. Это первая линия их обороны перед Аэропортом. Эта каменная гряда, что перегораживает сухую долину. Против нас действует сто тридцать первая дивизия НОАК. Кажется, Девятый их батальон. Бойцы опытные. Поддерживает их дивизион двухсот десяти миллиметровых орудий. Но

есть сведения, что в рабочем стоянии у них только два орудия. Ещё у них есть дивизион самоходных миномётов сто двадцать два миллиметра. Все вы знаете, снаряды и мины они вообще не привыкли экономить. У них их горы. Так что лёгкой прогулки не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.